

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
Тайна

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176259

Содержание

Антон Павлович Чехов

Тайна

Вечером первого дня Пасхи действительный статский советник Навагин, вернувшись с визитов, взял в передней лист, на котором расписывались визитеры, и вместе с ним пошел к себе в кабинет. Разоблачившись и выпив зельтерской, он уселся поудобней на кушетке и стал читать подписи на листе. Когда его взгляд достиг до середины длинного ряда подписей, он вздрогнул, удивленно фыркнул и, изобразив на лице своем крайнее изумление, щелкнул пальцами.

– Опять! – сказал он, хлопнув себя по колену. – Это удивительно! Опять! Опять расписался этот, чёрт его знает, кто он такой, Федюков! Опять!

Среди многочисленных подписей находилась на листе подпись какого-то Федюкова. Что за птица этот Федюков, – Навагин решительно не знал. Он перебрал в памяти всех своих знакомых, родственников и подчиненных, припомнил свое отдаленное прошлое, но никак не мог вспомнить ничего даже похожего на Федюкова. Страннее же всего было то, что этот *incognito*¹ Федюков в последние тринадцать лет аккуратно расписывался каждое Рождество и Пасху. Кто он, откуда и каков он из себя, – не знали ни Навагин, ни его жена, ни швейцар.

¹ неизвестный (лат.)

– Удивительно! – изумлялся Навагин, шагая по кабинету. – Странно и непонятно! Какая-то кабалистика! Позвать сюда швейцара! – крикнул он. – Чертовски странно! Нет, я все-таки узнаю, кто он! Послушай, Григорий, – обратился он к вошедшему швейцару, – опять расписался этот Федюков! Ты видел его?

– Никак нет...

– Помилуй, да ведь он же расписался! Значит, он был в передней? Был?

– Никак нет, не был.

– Как же он мог расписаться, если он не был?

– Не могу знать.

– Кому же знать? Ты зеваешь там в передней! Припомни-ка, может быть, входил кто-нибудь незнакомый! Подумамай!

– Нет, вашество, незнакомых никого не было. Чиновники наши были, к ее превосходительству баронесса приезжала, священники с крестом приходили, а больше никого не было...

– Что ж, он невидимкой расписался, что ли?

– Не могу знать, но только Федюкова никакого не было. Это я хоть перед образом...

– Странно! Непонятно! Уди-ви-тель-но! – задумался Навагин. – Это даже смешно. Человек расписывается уже тринадцать лет, и ты никак не можешь узнать, кто он. Может быть, это чья-нибудь шутка? Может быть, какой-нибудь чи-

новник вместе со своей фамилией подписывает, ради курье-
за, и этого Федюкова?

И Навагин стал рассматривать подпись Федюкова. Разма-
шистая, залихватская подпись на старинный манер, с зави-
тушками и закорючками, по почерку совсем не походила на
остальные подписи. Находилась она тотчас же под подписью
губернского секретаря Штучкина, запуганного и малодуш-
ного человечка, который наверное умер бы с перепуга, если
бы позволил себе такую дерзкую шутку.

– Опять таинственный Федюков расписался! – сказал На-
вагин, входя к жене. – Опять я не добился, кто это такой!

М-ме Навагина была спириткой, а потому все понятные
и непонятные явления в природе объясняла очень просто.

– Ничего тут нет удивительного, – сказала она. – Ты вот
не веришь, а я говорила и говорю: в природе очень много
сверхъестественного, чего никогда не постигнет наш слабый
ум! Я уверена, что этот Федюков – дух, который тебе симпа-
тизирует... На твоём месте я вызвала бы его и спросила, что
ему нужно.

– Вздор, вздор!

Навагин был свободен от предрассудков, но занимавшее
его явление было так таинственно, что поневоле в его голо-
ву полезла всякая чертовщина. Весь вечер он думал о том,
что *incognito* Федюков есть дух какого-нибудь давно умер-
шего чиновника, прогнанного со службы предками Наваги-
на, а теперь мстящего потомку; быть может, это родственник

какого-нибудь канцеляриста, уволенного самим Навагиным, или девицы, соблазненной им...

Всю ночь Навагину снился старый, тощий чиновник в потертом вицмундире, с желто-лимонным лицом, щетинистыми волосами и оловянными глазами; чиновник говорил что-то могильным голосом и грозил костлявым пальцем.

У Навагина едва не сделалось воспаление мозга. Две недели он молчал, хмурился и всё ходил да думал. В конце концов он поборол свое скептическое самолюбие и, войдя к жене, сказал глухо:

– Зина, вызови Федюкова!

Спиритка обрадовалась, велела принести картонный лист и блюдечко, посадила рядом с собой мужа и стала священнодействовать. Федюков не заставил долго ждать себя...

– Что тебе нужно? – спросил Навагин.

– Кайся... – ответило блюдечко.

– Кем ты был на земле?

– Заблуждающийся...

– Вот видишь! – шепнула жена. – А ты не верил!

Навагин долго беседовал с Федюковым, потом вызывал Наполеона, Ганнибала, Аскоченского, свою тетку Клавдию Захаровну, и все они давали ему короткие, но верные и полные глубокого смысла ответы. Возился он с блюдечком часа четыре и уснул успокоенный, счастливый, что познакомился с новым для него, таинственным миром. После этого он каждый день занимался спиритизмом и в присутствии объяс-

нял чиновникам, что в природе вообще очень много сверхъестественного, чудесного, на что нашим ученым давно бы следовало обратить внимание. Гипнотизм, медиумизм, бишопизм, спиритизм, четвертое измерение и прочие туманы овладели им совершенно, так что по целым дням он, к великому удовольствию своей супруги, читал спиритические книги или же занимался блюдечком, столоверчениями и толкованиями сверхъестественных явлений. С его легкой руки занялись спиритизмом и все его подчиненные, да так усердно, что старый экзекутор сошел с ума и послал однажды с курьером такую телеграмму: «В ад, казенная палата. Чувствую, что обращаюсь в нечистого духа. Что делать? Ответ уплачен. Василий Кринолинский».

Прочитав не одну сотню спиритических брошюр, Навагин почувствовал сильное желание самому написать что-нибудь. Пять месяцев он сидел и сочинял и в конце концов написал громадный реферат под заглавием: «И мое мнение». Кончив эту статью, он порешил отправить ее в спиритический журнал.

День, в который предположено было отправить статью, ему очень памятен. Навагин помнит, что в этот незабвенный день у него в кабинете находились секретарь, переписывавший набело статью, и дьячок местного прихода, позванный по делу. Лицо Навагина сияло. Он любовно оглядел свое детище, потрогал меж пальцами, какое оно толстое, счастливо улыбнулся и сказал секретарю:

– Я полагаю, Филипп Сергеич, заказным отправить. Этак вернее... – И подняв глаза на дьячка, он сказал: – Вас я велел позвать по делу, любезный. Я отдаю младшего сына в гимназию, и мне нужно метрическое свидетельство, только нельзя ли поскорее.

– Очень хорошо-с, ваше превосходительство! – сказал дьячок, кланяясь. – Очень хорошо-с! Понимаю-с...

– Нельзя ли к завтраму приготовить?

– Хорошо-с, ваше превосходительство, будьте покойны-с! Завтра же будет готово! Извольте завтра прислать кого-нибудь в церковь перед вечерней. Я там буду. Прикажите спросить Федюкова, я всегда там...

– Как?! – крикнул генерал, бледнея.

– Федюкова-с.

– Вы... вы Федюков? – спросил Навагин, тараща на него глаза.

– Точно так, Федюков.

– Вы... вы расписывались у меня в передней?

– Точно так, – сознался дьячок и сконфузился. – Я, ваше превосходительство, когда мы с крестом ходим, всегда у вельможных особ расписуюсь... Люблю это самое... Как увижу, извините, лист в передней, так и тянет меня имя свое записать...

В немом оупении, ничего не понимая, не слыша, Навагин зашагал по кабинету. Он потрогал портьеру у двери, ра-

за три взмахнул правой рукой, как балетный *jeune premier*,² видящий ее, посвистал, бессмысленно улыбнулся, указал в пространство пальцем.

– Так я сейчас пошлю статью, ваше превосходительство, – сказал секретарь.

Эти слова вывели Навагина из забытья. Он тупо оглядел секретаря и дьячка, вспомнил и, раздраженно топнув ногой, крикнул дребезжащим, высоким тенором:

– Оставьте меня в покое! А-ас-тавь-те меня в покое, говорю я вам! Что вам нужно от меня, не понимаю?

Секретарь и дьячок вышли из кабинета и были уже на улице, а он всё еще топал ногами и кричал:

– Аставьте меня в покое! Что вам нужно от меня, не понимаю? А-ас-тавьте меня в покое!

² первый любовник (франц.)